

НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ НОВЫЕ ТАЙНЫ

НЕТ ДЬЯВОЛА ВО МНЕ

ОЛЬГА
ВОЛОДАРСКАЯ

Ольга Геннадьевна Володарская
Нет дьявола во мне
Серия «Нет запретных тем!
Остросюжетная проза О. Володарской»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74323841
Ольга Володарская. Нет дьявола во мне: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-252273-4

Аннотация

Ее называли Марианной в честь героини мексиканского сериала. Необычное имя, необычная судьба. Мари осталась сиротой в год, но ее удочерили достойные люди. И окружили девочку тем, чего не хотела и не могла дать родная мать: заботой, любовью, достатком. Казалось бы, живи и радуйся, но Марианна росла проблемной. И с мальчиками у нее не ладилось. Мечтала об особенном, а каком именно, не представляла... Пока не встретила Николаса.

Он совсем ей не подходил. Как и никакой другой девушке, потому что пел в церковном хоре и готовился стать монахом. Но Марианна боролась за свою любовь и... победила? Ей так казалось, пока Николас не сбежал. И от нее, и из монастыря...

Когда спустя десять лет в горах нашли убитым одного из хоровых мальчиков, всплыла давняя история с исчезновением

Николаса. Все решили, что это Марианна, прозванная за свои выходки Сатаной, лишила жизни обоих...

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	32
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Володарская

Нет дьявола во мне

© Володарская О., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

*Все персонажи и события этой книги
вымышлены. Как и место действия.*

Любые совпадения случайны.

Часть первая

Глава 1

Она сидела на огромном нагретом солнцем валуне и смотрела на небо. Облака были похожи на клубки сахарной ваты. Хотелось протянуть руку, взять один и отправить в рот. Мари обожала сахарную вату. В детстве считала ее самым изумительным лакомством. Все меркло перед ней – и зефир, и конфеты, и пирожные, и даже мороженое.

У Мари уже начала ныть шея, и она опустила голову. Камни, быстрая речка, кусты, не изящные, но по-своему красивые горные цветы. Но все это так далеко внизу, что она не столько видела, сколько знала: все это там...

В горах было тихо. Мари специально забралась так высоко, чтобы побыть вдали ото всех и всего, особенно от звуков. Чуть ниже, если пройти пятнадцать минут и проехать три километра по горному серпантину, – люди, животные, машины. Голоса, смех, ор, лай, рычание моторов, гудки. Запахи бензина, еды, пота, псины...

Там, внизу, так много всего раздражающего органы чувств, а тут покой.

Мари откинулась назад. Сначала на локти оперлась, затем полностью легла на теплый камень. Закрыла глаза. Солнце

припекало, но не жгло. В горах даже в полдень было комфортно. Воздух прохладен, а ветерок ласков. Но это, конечно же, только летом. Зимой тут стужа. В тело будто иголки впиваются – так яростен мороз. Воздух, как заиндевелая вода – ее нельзя пить, а его вдыхать без муки, ветер же точно наждачная бумага, которой проводят по коже. Когда-то давно Мари провела ночь в горах. Снаряжения не было. А из теплой одежды только куртка с капюшоном. На ногах кроссовки, пусть и зимние. Был конец ноября, не самое холодное время, но она едва не лишилась нескольких пальцев на ногах, и обморозила лицо так, что сходила кожа.

Вспомнив о той ночи, Мари передернулась. С тех пор она возненавидела холод и на зиму уезжала туда, где тепло. Необязательно в тропики, хотя бы в места с умеренным климатом. Для нее плюс пять и мокрый снег лучше, чем бодрящий мороз, сугробы и яркое солнце!

Поэтому в тех краях, где она обитала этим летом, Мари не останется. Знает, каковы здесь зимы. А вот куда направится, еще не решила. Скорее всего, просто переместится чуть южнее. А возможно, полетит в Азию. Давно собиралась побывать во Вьетнаме. Там и климат мягкий, и жизнь недорогая...

Хотя последнее Мари мало тревожило. Деньги у нее водились.

Она решила немного подремать, но тут услышала голос... Чистый, звонкий. Он звучал тихо, но отчетливо – в го-

рах хорошая акустика. Голос принадлежал юноше, он уже ломался, но не стал мужским. Молодой человек пел. Исполнял псалом на латыни.

Мари поднялась с валуна, осмотрелась. Поблизости никого не было, что не удивило. Она предполагала, что тот, кто сейчас издает звуки, находится где-то внизу. Она даже догадывалась где. Когда она поднималась сюда, оставив машину в конце асфальтированной дороги, увидела ровный участок, покрытый кустами дикого шиповника. Красивое место, наполненное ароматом цветов. Вот только у Мари была аллергия на пыльцу, и она ушла выше. Туда, где нет ничего, кроме камня и свежего горного воздуха.

Песнь не смолкала. Псалом лился и лился, услаждая слух Мари.

«*Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam Tuam*», – слышала она и переводила: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей». – «*Et secundum multitudinem miserationum Tuarum, dele iniquitatem meam*». – «И по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои...»

Мари не знала латыни. Но этот псалом помнила наизусть. От начала и до конца. Она слышала его много раз...

Когда-то давно.

Думала, забыла уже, но нет.

Она стала подпевать невидимому певцу. И слезы потекли из ее глаз.

Нет, она не была набожной. Более того, считала себя ате-

исткой. Просто этот псалом... и этот голос... так похожий на тот, в который она влюбилась когда-то, будучи еще девчонкой... И эти горы... Все всколыхнуло в ней то, что давно, как казалось, забыто и уже не должно взбудоражить до слез...

Мари даже думала, что разучилась плакать не от горя или боли, а от счастья, умиления или светлой грусти.

Голос неожиданно оборвался. Но Мари знала, оставалось еще три строки псалма. Что помешало юноше допеть их?

Она слезла с валуна. Взяв рюкзак, стоящий поодаль, достала воду. Хотелось пить уже давно, но Мари лень было вставать. Она прислушалась. Пение не возобновилось. Увы. Но тут...

Вскрик! Затем грохот – это сорвался со скалы крупный камень. За ним посыпалось множество мелких.

Обвал?

Нет, непохоже.

Мари закинула рюкзак за спину и стала быстро спускаться. Но так как путь был не самым безопасным, она скорость сбавила. Еще не хватало упасть. Убиться не убьется, конечно, тут не самый крутой спуск, но колени или локти раздерет.

Наконец Мари достигла тропы. По ней идти легче. И если поторопиться, то до места, где растет шиповник, можно спуститься минуты за три. И она ускорила.

Сначала она почувствовала аромат и только потом увидела кусты, покрытые ярко-розовыми цветами. За ними пологий спуск к ущелью. Мари чихнула. Ох уж эта пыльца! За-

жав нос пальцами, она пошла через заросли. Она не знала, но чувствовала, юноша, что исполнял псалом, где-то здесь. И Мари не ошиблась.

Она увидела его совсем скоро.

Молодой человек лежал на камнях. Руки раскинуты, глаза смотрят в небо...

И глаза голубые-голубые!

Лицо красивое, с точеными чертами. В уголке нежного рта кровь. Она стекает тонкой струйкой на воротник сутаны. Та серая. Как и камни, на которых лежит юноша. Но более светлая, полиняла от частых стирок. И на ней, если не считать ворота, следов крови нет. А вот под головой молодого человека целая лужа – ударился о камни при падении и от этого умер.

Слезы, высохшие за то время, что Мари спускалась, снова выступили. И теперь они были жгучими, потому что вызвала их душевная боль. Как жаль этого мальчика... Юного, красивого, талантливого... Чистого...

И так похожего на того, кого Мари встретила в этом же месте много-много лет назад.

Глава 2

Прошлое

Мари яростно вытерла нос рукавом рубахи. Хватит реветь, сказала она себе. Полчаса, не меньше, слезы льет. Уже и глаза красные, и нос распух. Мари сунула руку в карман и достала зеркальце. С недавних пор она всегда его таскала с собой. В период полового созревания Мари страдала от подростковых прыщиков, что покрывали лоб и щеки, обезображивая хорошенькое личико. Мари не могла на себя смотреться в зеркало без чувства омерзения. А так как руки постоянно тянулись к прыщам, чтобы выдавить их, она старалась как можно реже вглядываться в свое отражение. Но когда Мари стала девушкой, лицо очистилось. И она полюбила зеркала.

С внешностью Мари повезло... Ну, почти. Она признавала за собой только один недостаток: рост как у баскетболиста. Мари была выше всех в классе, даже мальчиков. И сколько бы ей ни говорили, что высокий рост – это достоинство, а не недостаток, Мари не слушала. Она не хотела ни по подиуму ходить, ни забрасывать мячи в сетки – ей предлагали и в модельном бизнесе себя попробовать, и в спорте. А для чего еще нужен высокий рост? Лампочки вкручивать,

не вставая на табурет? Но она и в электрики подаваться не собиралась. Оставалось надеяться на то, что она в свои четырнадцать лет уже достигла максимального роста и больше не вытянется.

В остальном Мари была довольна своей внешностью. Да, фигура нескладная немного, но мама уверяла, что это пройдет. Пропорции-то уже хороши. А вот лицо прелестно без всяких оговорок: нежное, милое, с некрупными, но выразительными чертами и серо-зелеными глазами миндалевидной формы. И кожа хорошая – подростковые прыщики не оставили на ней следа. Волосы же, от природы темные, с золотинкой, Мари выкрасила в оранжевый. А по челке пустила красные пряди. Родители, когда увидели ее новый образ, едва не упали в обморок. Но ругать не стали. Не то что за пирсинг в носу...

Мари потрогала ноздрю, в которой торчала сережка. Больно. Еще не привыкла к ней, и когда нос вытирала, задела. Отодвинув зеркало на расстояние вытянутой руки, Мари придирчиво осмотрела свое лицо. Все не так плохо, как она думала. Да, глаза и нос красные, но это скоро пройдет. Хорошо, что у нее ресницы черные, а то была бы сейчас на кролика похожа.

Мари убрала зеркальце и запрокинула голову так, чтобы ветер обдувал лицо. Она все еще была расстроена и сердита, но уже не так, как полчаса назад. Она вдрызг разругалась с матерью и убежала в горы. Та, как всегда, начала учить

ее жизни, Мари вспылила, наорала на нее и закончила свою гневную речь фразой: «Да пошла ты! Ты мне даже не мать!» Сейчас она раскаивалась в этом. Потому что это был удар ниже пояса... недостойный... запрещенный!

Да, ее родители не были ей родными. Они удочерили Мари еще крошкой. Все детство девочка пребывала в уверенности, что одной крови с папой и мамой. Она даже была немного похожа на отца – цветом глаз и волос. Но когда Мари исполнилось десять, ей открыли правду...

Как же она плакала, узнав эту правду. Как кричала: «Зачем вы мне сказали?!» А отец, более спокойный и выдержанный, чем мать, отвечал: «Ты должна знать. Это твое право».

С тех пор все пошло наперекосяк. Мари никогда не была пай-девочкой, а тут просто с цепи сорвалась. А когда ее начинали отчитывать, тут же взвизывалась: «Так отдайте меня обратно в детдом, коль я вам не нравлюсь!»

Родители терпели. Они любили ее. Да и Мари любила их... Просто редко это демонстрировала.

...Ее называли Марианной в честь героини сериала «Богатые тоже плачут». В год, когда она появилась на свет, он шел по российским каналам и бил все рекорды популярности. Тогда не ей одной дали имя Марианна. И ей еще повезло. Родись она мальчиком, быть бы ей Луисом-Альберто.

Мать Марианны, зачавшая свое дитя от случайного любовника, была женщиной легкомысленной. Кроме сериалов ее увлекали мужчины и кутежи. Крохотную дочку она остав-

ляла одну и отправлялась развлекаться. Впрочем, если она находилась дома, а по телевизору шел ее любимый сериал, Марианна все равно не могла рассчитывать на материнское внимание. Если девочка плакала, требуя еды, ее просто закрывали на застекленной лоджии, чтобы детские крики не мешали просмотру, а звук телевизора прибавляли.

Мать все ждала, когда Марианне исполнится полтора года, чтобы отдать ее в ясли, желательно круглосуточные. Увы, в том детском садике, что находился неподалеку от дома, принимали ребятшек только с этого возраста (а где-то, она слышала, и годовалых брали).

«Богатые тоже плачут» закончились. Им на смену пришла «Дикая роза». Затем «Просто Мария». Вот как раз в этот «простомариевский» период мама Марианны влюбилась. В красивого и порочного мужчину, напоминающего ей отрицательного персонажа мексиканского «мыла». Обаятельные мерзавцы ей нравились гораздо больше, чем положительные герои. Избранника матери звали Луисом (естественно, не по паспорту, такова была его кличка), и это придавало ему еще больше шарма. Жгучий брюнет с влажными глазами и модной тогда эспаньолкой сводил женщину с ума. Чем Луис беззастенчиво пользовался. Сначала он подкладывал хорошенькую любовницу под своих друзей, затем под малознакомых мужиков, но уже за деньги. При этом женщина себя проституткой не считала. Да, она иногда спала с кем-то за деньги, но что в этом дурного? Это не плата, а благодарность за лас-

ки. Ей, матери-одиночке, лишняя копейка не помешает.

Пока мама строила свою любовь и «карьеру», Марианна была предоставлена самой себе. Ее кормили, пусть и нерегулярно, мыли, переодевали и оставляли на долгие часы в кровати. Чтобы не орала, то давали водочки немного, то добавляли в смесь снотворного. Мать с ней не играла и не занималась. А вот Луис проникся теплыми чувствами к Марианне. Он часто бывал у своей любовницы дома, и когда приходил, тут же брал малышку на руки, играл с ней. Читал ей книжки и катал ее на своих мощных плечах. Жаль, ходить не учил. Марианна в годик этого не умела. Она только ползала, причем вяло, а когда ее ставили на ножки, тут же шлепалась на попку.

Из-за этого девочку не приняли в ясли, в те самые, куда берут с года. Сказали, что ребенок отстает в развитии и брать за него ответственность воспитатели не будут. И Марианна оставалась дома, большую часть времени проводя в кровати. Мать не считала это чем-то отвратительным. Жизни ребенка ведь ничего не угрожает! Выбраться она не может, игрушек, которыми можно пораниться, у нее нет, бутылочка с водой имеется, а от того, что попка грязная, еще никто не умирал. Благо Марианна родилась на удивление здоровым ребенком. Никаких детских хворей, даже желтушки. В общем, беспроблемный малыш. Пусть и немного отстающий в развитии.

Марианне был год и два месяца, когда ее мать погибла.

Она застучала своего любимого в объятиях другой. Завязалась потасовка. Луис хорошенько наподдал взбесившейся бабе, чтоб знала свое место. Но перестарался. Когда она попыталась вцепиться ему в лицо, толкнул с такой силой, что женщина отлетела на три метра и ударилась затылком об дверной косяк. Череп ее треснул и...

Нет, она умерла не сразу. Спустя шесть часов. Если бы Луис вовремя вызвал «Скорую помощь», женщину могли бы спасти. Но он бросил ее, истекающую кровью, и скрылся с места преступления.

А тем временем Марианна, вся мокрая и голодная, лежала в своей кроватке. Сначала только покряхтывала, она была терпеливым ребенком, затем начала плакать. Но к ней никто не подходил! Охрипнув, девочка стала выбираться из кроватки. Она и раньше пробовала это сделать, но у нее ничего не получалось. Борта высокие, а она такая слабенькая...

Но в этот раз ее старания увенчались успехом! Марианна смогла покинуть свой «загон». Вот только когда она перебралась через ограждение, то рухнула на пол. Больно ударились ручкой и головой. И потеряла сознание.

Ее обнаружили спустя двенадцать часов. Милиционеры, нашедшие тело матери, приехали домой к покойной и увидели страшную картину. Крохотная девочка без движения лежала на полу. Из ее уха вытекала кровь. Кровью был пропитан рукав распашонки. Все думали, малышка мертва. Но она дышала. Срочно вызвали «Скорую». Марианну увезли. Ди-

агностировали кроме сотрясения и сложного перелома руки истощение и частичную атрофию мышц ног.

Марианна пролежала в больнице два месяца, после чего ее перевели в дом малютки. Там-то ее и увидели будущие родители Анна и Сергей Андроновы, бездетная пара, отчаявшаяся завести своих детей. Оба с первого взгляда прониклись к девочке симпатией. Анну привлекло то, что Мари чем-то походила на ее мужа, а Сергея... Он сначала не мог объяснить ни супруге, ни себе, чем эта тощая длинноногая девочка с торчащими в разные стороны волосами его зацепила. Была бы хорошенькой щекастой хохотушкой, тогда понятно. Ему всегда нравились такие детки, как Аленка с обертки шоколада. А Мари – ее прямая противоположность. И все же Сергею захотелось удочерить именно ее. Почему? Он долго в себе копался, пока не понял: как раз такая дочь у них родилась бы. Ни убавить ни прибавить. Не «оберточная» Аленка, а вот такая худая и серьезная, как они с женой, девочка. Причем с трудной судьбой. Ни его, ни жену жизнь не баловала. Хотя Аня и родилась в семье известного в узких кругах антиквара. Да только убили его, когда дочь в школе училась. А родители самого Сергея крепко выпивали, и он рос как сорная трава.

Когда Андроновым поведали историю Марианны, Сергей еще больше укрепился в своем желании удочерить ее. К счастью, Анна была с ним солидарна. И, оформив все документы, они стали приемными родителями Мари.

Андроновы тогда жили небогато. Но и не бедствовали, как

многие в те годы. Анне в наследство от отца досталась хорошая коллекция антикварных безделушек, которую она, если наступало безденежье, понемногу разоряла, продавая что-то менее ценное. А Сергей занимался малым бизнесом. Дочь привезли в хорошую квартиру, купили ей все необходимое, стали исправно кормить и развивать. Не прошло и двух месяцев, как Марианна заговорила. Да складно как! А ходить и бегать она еще в доме малютки научилась.

Она быстро привыкла к родителям. Полюбила их. Особенно папу. Но первое слово, ею произнесенное, было, как это ни странно: «Луис». Мари совсем не вспоминала мать, а вот ее любовника часто. Пожалуй, то, как он подкидывает ее к потолку, стало самым ранним детским воспоминанием. Ярким и счастливым. В своих самых радужных снах, тех, что оставляют приятное послевкусие после пробуждения, она взлетала ввысь и неизменно опускалась в сильные руки красивого черноглазого мужчины с эспаньолкой.

Папа разбогател, когда Марианна училась в пятом классе. Еще в прошлом году они жили так себе, и вот уже переезжают в загородный дом, меняют машины на люксовые, нанимают прислугу. Когда грянул кризис и многие мелкие бизнесмены разорились, Сергей поднялся. А все благодаря жене, которая каждую лишнюю тысячу рублей вкладывала в антиквариат. Его, пусть и не совсем законным путем, она продавала иностранцам, получала за это валюту. На нее-то в кризис Сергей и скупил обанкротившиеся малые предприятия,

работающие в том же направлении, что и его. А когда положение на рынке более или менее стабилизировалось, Андронов фирмочки объединил и стал владельцем крупной компании по производству и продаже электрооборудования.

И вот, спустя три с половиной года, семья Андроновых полным составом уже отдыхала на Балканах. Кто победнее – в Турции и Египте, кто богаче – на личных островах, люди их круга – на Мальдивах и Лазурном Берегу. А они, семья Андроновых, на Балканах. Да не у моря – в горах. Того хуже, не в городе, в какой-то деревеньке. Сняли дом на все лето, а к морю ездили на машине на пару-тройку дней раз в две недели (а отец еще и в Москву летал раз в месяц). Всем такой отдых нравился. Даже Мари, хотя она ворчала, что в такой глуши только пенсионеры могут чувствовать себя комфортно. На самом же деле ей сразу же полюбились Балканы. И их скромный домик в окружении фруктового сада: в нем росли и киви, и гранаты, и лимоны. И горный пейзаж, и простая, но невероятно вкусная местная кухня, и люди. Особенно люди. И милые бабулечки, продающие домашний сыр, и не растерявшие молодецкого задора дедули, что, казалось, только тем и занимаются, что гоняют кофе и спорят о политике, и ровесники ее родителей, простые, работающие, доброжелательные, и детишки, заласканные родными, но почему-то не избалованные. Она только о подростках была не лучшего мнения. Деревенщина, так их Мари называла. Парни, естественно, тут же на нее стойку сделали, но она ни

с одним не пожелала сближаться. Да, все они красивы и, что немаловажно, высоки ростом (балканские мужчины славилась своей статью и привлекательностью), но ей нужен был особенный...

Вот только какой именно, Мари сама толком не знала.

...Ветер осушил лицо от слез, которые нет-нет да и выкатывались из уголков глаз, и остудил горящую кожу. Вот только нос продолжал гореть. Мари потрогала его. Нет, виной тому не сережка. Значит, обгорела – солнце шпарило, но в горах жары не ощущаешь, поэтому не заметила, как подпалилась.

Марианна перевернулась на живот, чтобы спрятать лицо от солнца. Подумав, стянула с себя рубашку и шорты, оставшись в трусиках. Решила позагорать. Не домой же идти. Сама не успокоилась, мать, наверное, тоже еще сердится, разругаются опять, а ей этого не хотелось. И так слишком много в их семье конфликтов в последнее время разгорается.

Она закрыла глаза и под жужжание пчел, летающих с цветка на цветок, задремала.

Чарующий голос, который она услышала чуть позже, ей будто снился. Он был так чист и прекрасен, что походил на ангельский. Марианна не верила в ангелов, как и в демонов, поскольку являлась атеисткой, как и ее родители, поэтому сделала единственный вывод: она все еще спит. Но когда голос приблизился, а к нему присоединились другие звуки: жужжание пчел, пение цикад, шуршание листвы и... похру-

стывание камней под чьими-то шагами...

Марианна вздрогнула и приподнялась. Здесь кто-то есть?

Сначала ей подумалось, что никого. Но когда она при-
смотрелась, то увидела юношу. Он стоял не так далеко от
нее, но сливался со скалой своим серым одеянием. На нем
была длинная просторная хламида с поясом. Мари видела
такие на послушниках монастыря, расположенного чуть ни-
же. Это была местная достопримечательность. Единственное
место в округе, куда возили туристов.

Монастырь был старинным, аж в пятнадцатом веке по-
строенным. Основали его монахи-бенедиктинцы. Назвали
«Черный крест» в честь святыни, в нем хранимой. Мона-
стырь подвергался набегам, дважды горел, но выстоял. От
старых строений, тех, что возвели основатели в пятнадца-
том веке, правда, остались только колокольня да два домика,
где когда-то жили послушники. В одном ныне заседал аббат,
в другом располагался музей. Остальное было выстроено
позднее. Но с начала девятнадцатого века монастырь изме-
нений не претерпевал. Постройки только укрепляли или ре-
ставрировали по мере необходимости. При монастыре име-
лась винодельня и пасека. Монахи изготавливали на прода-
жу ликеры, разливали мед. Но «Черный крест» славился не
этим. А хором мальчиков. Певцов когда-то набирали из жи-
телей ближайших городов и деревень, но в век машин и поез-
дов стали принимать и тех, кто живет на другом конце стра-
ны. А особо одаренных – даже из других стран. Ребята в воз-

расте от девяти до пятнадцати жили при монастыре. С ними занимались педагоги. Учили их не только вокалу и музыкальной грамоте, но и общеобразовательным предметам. Мальчики пели не на всех мессах. И туристы старались попасть в монастырь в то время, когда их можно было услышать. А как этот хор обожала мама! Каждое воскресенье она посещала заутреню только ради него. И Марианну с собой звала, да только ей было лень в такую рань вставать. Было бы ради чего, бурчала она. Вот если бы Мадонна выступала в соборе, она бы спать не ложилась, сидела у крыльца, караулила ее. А то мальчики какие-то церковные...

А меж тем один из них продолжал петь. Он не замечал Мари и делал это для себя... или?.. Для пчел, цикад, букашек, копошившихся под камнями, птиц, парящих в вышине? Для гор, неба, речки, бегущей на дне ущелья, дивных кустов дикого шиповника? Или для своего Бога, создавшего все это?

Мари слушала как замороженная. А когда молодой человек замолчал, почувствовала разочарование. Ей хотелось, чтоб он пел и пел. Его голос... он как будто... наполнял пейзаж и возводил его красоту в Абсолют.

Из-под локтя Марианны, на который она опиралась, вылетел камешек. Юноша услышал звук и резко обернулся...

Две пары глаз, серо-зеленые и небесно-голубые, встретились. Мари сначала видела только глаза. И ей казалось, что она все еще смотрит в небо. Потом, когда они расцепили

взгляды, она обратила внимание на остальные черты его лица: крупный прямой нос, четко очерченный рот с ямочкой на нижней губе, округлый подбородок, покрытый темной, по-мужски густой щетиной. Волосы у юноши были иссиня-черными, удлиненными, закрывали уши и доходили до лопаток.

Красивый, подумала Мари. И взрослый на вид, хотя, судя по голосу, ему максимум шестнадцать, если не меньше. Только ростом не вышел. Не мал, но и не высок. Средний. Марианна точно выше его будет.

Пока она изучала юношу, он смотрел на нее. А если точнее, на ее обнаженную грудь.

Марианна, заметив это, смутилась. Но юноша смутился еще раньше. Покраснел, отвернулся резко. Мари натянула футболку и влезла в шорты. После этого поднялась и направилась к молодому человеку. Ей стало интересно, насколько он ее ниже. Оказалось, всего на чуть-чуть. Три-четыре сантиметра, не больше.

Когда Мари подошла, юноша опасливо обернулся. Но, заметив, что она одета, стал посмелее. Улыбнувшись, обратился к ней по-английски:

- Добрый день. Извините, я вас не видел.
- Привет, – ответила Мари. – Я тебя тоже.
- Что ты делаешь в горах одна?
- Загораю, – пожала плечами она. – А ты?
- Гуляю...
- Ты ведь из монастыря?

– Да.

– Вас отпускают вот так вот?..

– Мы же не в тюрьме, – улыбнулся он. – Есть свободное время, которое можно проводить, как захочется.

– А откуда ты знаешь английский язык? – полюбопытствовала Мари.

– А ты?

– Я учу его в школе. И занимаюсь с репетитором.

– Нам тоже преподают иностранные языки. Или ты думала, мы только псалмы учим?

– Еще скажи, что знаешь физику, – фыркнула Мари.

– Конечно. И химию тоже.

– А петь вас учат? Или ты самородок.

– Да, есть педагоги по вокалу. Но я самородок, как и все мы, хоровые мальчишки. Других не берут. – Он вытер ладонь о подол своего одеяния и протянул руку Мари: – Меня зовут Николас.

– Коля, значит.

– Как?

– Ко-ля! – по слогам повторила она.

– Вообще-то все меня Ником называют.

– А я Марианна.

– Француженка? – удивился Николас.

– Почему это?

– Это имя ассоциируется с Францией. Марианна – ее символ.

– Нет, я русская. И у нас у всех это имя ассоциируется с Мексикой. – Его глаза расширились от удивления. – Так звали героиню очень популярного мексиканского сериала, – разъяснила Мари. – А тебе сколько лет?

– Пятнадцать. А тебе?

– Четырнадцать пока, но через три месяца...

– И мне через три... Только шестнадцать.

– Значит, мы с тобой одного знака зодиака! Ты какого числа родился?

– Третьего.

– И я! – взвизгнула Мари. Почему-то она очень обрадовалась этому факту.

– Голодная? – спросил Ник.

– Ужасно, – ответила она. И доказательством ее слов стало громкое урчание в желудке.

– У меня есть булочки, еще теплые. – Он хлопнул по котомке, что висела на плече. – Немного сыра. И компот. Перекусим?

– С удовольствием.

– Только давай немного поднимемся. Чуть выше есть отличное место...

И повел туда Мари.

Они шли недолго, минут пять. И когда Николас указал Мари на то место, которое считал отличным, она недоуменно на него воззрилась. Ни цветов, ни красивого вида. Небольшой грот, окруженный колючками, и ничего более.

– Во-первых, ты обгорела, – сказал Ник, поймав ее взгляд. – И на открытом солнце тебе нельзя находиться. Во-вторых, тут есть стол. – Он указал на круглый плоский камень, лежащий в гроте. – А в-третьих, ты еще не все видела. Заходи...

Она ступила под своды грота. Осмотрелась.

– Ой! – воскликнула Марианна.

– А я что говорил, – хмыкнул Ник.

Дело в том, что в «стене» имелось отверстие. Прямоугольный пролом, похожий на окно. В него врывались и ветерок, и солнечные лучики, и ароматы.

Ник с Мари уселись за «стол». Молодой человек вытащил из котомки еду, разложил ее на бумажной салфетке. Булочки выглядели очень аппетитно и пахли изумительно. Сыр, впрочем, тоже. Мари, вообще, не очень любила этот продукт. Но местный обожала. Он был похож на вкус не только на сыр, но и на масло, и на творог. Просто таял во рту. А в том, что принес Ник, еще и зелень имелаась, и мелко порубленные оливки.

– Угощайся, – пригласил он Марианну к трапезе. – Только у меня стаканчиков нет, придется по очереди пить...

– Ничего, – ответила она с набитым ртом. Сразу схватила булочку, кусок сыра и принялась с аппетитом жевать. – А ты классно поешь! Не помню, говорила тебе это или нет.

– Спасибо... Не говорила.

– Не хочешь стать поп-звездой?

– Нет.

– Нет? – переспросила она, не поверив. Марианна была уверена в том, что каждый хорошо поющий человек грезит о мировой славе. А Ник пел не просто хорошо – божественно.

– Я еще в раннем детстве решил посвятить себя Богу.

– То есть?..

– Стать монахом.

Марианна с жалостью на него посмотрела.

– Но ты же еще жизни не видел. Не лучше ли выйти в мир, и, только если он не понравится тебе, уйти в монастырь?

– Ты рассуждаешь так же, как все. Вы думаете, что, для того чтобы понять, как прекрасна чистота, нужно сначала замараться.

– Ну да...

– Но я уже это знаю. Так стоит ли окунаться в грязь?

– Но мирская жизнь... это же не только что-то плохое. В ней много всего!

– И в жизни монаха много всего. – Он мягко посмотрел на Мари. – Давай не будем спорить на эту тему? Поговорим лучше о... – Ник секунду подумал. – О России, твой родине. Какая она, расскажи?

– А что ты о ней знаешь?

Ник задумался. Подперев подбородок кулаком, он закатил глаза. Ждал подсказки от своего Бога? Мари прыснула, представив, как всемогущий Господь, точно старик Хоттабыч из старого, еще черно-белого фильма, шептал ему...

только не с портрета, а с небес... ответ на вопрос.

– В России очень холодно, – выдал-таки Николас. – Поэтому все пьют водку.

– Не все. Мой папа, например, почти не употребляет алкоголя. Водку вообще не признает, только иногда коньяком французским балуется. И не так уж у нас холодно. В Сибири, может быть. А в Москве, где я живу, редко морозы тридцатиградусные ударяют.

– Да я пошутил, – рассмеялся Ник. – Я знаком и с вашей историей, и с литературой. Нам дают хорошее образование. Лучше, чем во многих обычных школах. Но мне не сухие факты интересны. Я хочу услышать о ТВОЕЙ родине. Какая она для тебя?

И Марианна начала рассказ. Сначала у нее получалось не очень эмоционально. Так и подмывало сделать экскурс в историю, да и английским она владела не в совершенстве, но, когда она смогла расслабиться немного, речь полилась, и рассказ стал увлекательным и веселым. Ник слушал с удовольствием, улыбался, а иногда похохатывал.

Когда Мари прервалась, чтобы попить, Николас с сожалением произнес:

– Увы, мне пора.

– Уже? – расстроилась Мари.

– Да. Мое свободное время подошло к концу. Да и тебе нужно возвращаться. Мама, наверное, беспокоится...

– Да, – вздохнула она. Мама, естественно, волновалась.

А Марианне больше не хотелось наказывать ее своим отсутствием. – Встретимся завтра? Здесь же? Я принесу что-нибудь вкусенького.

– Завтра я не знаю, смогу ли. Но постараюсь.

Они вышли из пещерки и потопали вниз.

– Спой еще что-нибудь, – попросила Мари.

– Что именно?

– Не псалом, а... Не знаю даже... Рок можешь?

– Могу. Но давай я лучше исполню для тебя народную балладу.

– О чем она?

– О двух влюбленных, которым обстоятельства не позволили быть вместе, и они покончили с собой, прыгнув со скалы.

– Грустная, значит, баллада.

– Да. Но очень красивая. Кстати, ее сочинил один из монахов «Черного креста» сто пятьдесят лет назад. Помнишь, старое раздвоенное дерево недалеко от ворот? – Мари кивнула. Туристы на него привязывали ленточки и загадывали желания. – Оно выросло на том месте, где умерли влюбленные.

И Ник запел.

Слов Марианна, естественно, не понимала. Только те, что были созвучны с русскими. Но она знала, о чем баллада, и Николас пел так эмоционально, что она не заметила, как заплакала. К тому моменту, как на ее глазах выступили слезы,

они дошли до того места, с которого были видны монастырь и дерево, росшее возле его ворот.

– А что за обстоятельства не позволили им быть вместе? – спросила Мари, когда Николас допел.

– Юноша был монахом. И дал обет безбрачия.

– Так самоубийство же смертный грех, – запальчиво возразила она. – Неужели броситься со скалы лучше, чем нарушить обет?

– Он решил предоставить это на суд Господа. Поэтому явился на него вместе с любимой.

– Ужасная история! – воскликнула Марианна и решительно вытерла слезы. – Не логичная.

– Ты слышала хоть одну логичную балладу? – улыбнулся Николас. – Они все трагические и печальные.

– Сочини другую. Ты можешь, я уверена...

Он ничего на это не ответил. Легонько обнял Марианну и проговорил:

– Нам пора прощаться. Я тут спущусь по тропке.

– До завтра?

Николас кивнул и, помахав ей рукой, спрыгнул с дороги на узкую тропу. Мари проводила его взглядом, а когда увидела, как он скрылся за воротами монастыря, продолжила спуск. В голове ее звучал голос Николаса. А перед глазами стояло его лицо.

«Особенный!» – взвизгнула она мысленно. Радуюсь, Марианна всегда издавала подобные звуки. Мама ее за это ру-

гала. Говорила, что они пугают людей – они считают, что где-то режут поросенка. Юные леди должны следить за своим поведением. И Мари научилась себя контролировать. Теперь она взвизгивала только мысленно, как сейчас.

Но потом, поняв, что такой радости еще не испытывала, поскольку ни разу еще не влюблялась, завизжала в голос! И, хохоча, побежала домой. Ей захотелось рассказать маме о своем новом знакомом. Как бы они ни ругались, а ближе ее у Марианны человека не было. Разве что папа, но сейчас он в Москве.

Глава 3

Марко очень устал. Он прошел за день километров пятнадцать, и теперь, когда конец пути близился, его ноги гудели и подрагивали, особенно когда он преодолевал крутые спуски. Пес Чак тоже выбился из сил. Он был уже немолод, разменял второй десяток еще в прошлом году, и долгие прогулки его утомляли. Но оставаться дома, когда хозяин уходил в горы, категорически не желал. Если Марко закрывал его, Чак выл, скулил, лаял, а один раз выбил дверь, чтобы вырваться.

– Почти пришли, еще немного потерпи, малыш, – сказал Марко псу и потрепал того по загривку. «Малыш», испанский мастиф, ткнулся мокрым носом в руку хозяина. – Пить хочешь? – спросил Марко.

Чак коротко гавкнул. Это означало «да». Марко вынул из рюкзака пластмассовую плошку и налил в нее воды из бутылки. Когда пес принялся алчно хлебать ее, Марко тоже решил утолить жажду. Допив оставшуюся воду, он убрал пустую бутылку в рюкзак (не выбрасывать же тут) и присел на камень, чтобы перевести дух.

Он не знал, все ли собаки такие умные, до Чака у него домашних животных не было, но в одном Марко был уверен – его пес все понимает. То, что на вопрос, хочет ли он пить, мастиф ответил утвердительно, было мелочью. Он демонстрировал свой интеллект постоянно. Чак не просто вступал с хо-

зьяном в диалоги, он сам принимал решения. Например, когда дома начался пожар (заискрила неисправная проводка), Чак, находившийся там один, потушил возгорание. Стащил зубами с дивана плед и стал затапывать очаг. Как-то спас из реки котенка, принес его, держа за загривок, в деревню и положил на порог одной вдовы, как раз переживающей потерю. Она приютила малыша и теперь души в нем не чает. А один раз Чак ребенка нашел. Такого же крохотного, как котенок. Только он не тонул, а умирал от голода. Пес обнаружил его на опушке леса. Пятимесячный мальчишка лежал под секвойей, закутанный в грязные пеленки. Почему его бросили там, а не принесли, скажем, к воротам монастыря, так и осталось загадкой. Но благодаря Чаку, который сбегал за хозяином и привел его в лес, мальчик остался жив. Сейчас он живет в деревне. Его усыновили хорошие люди.

...Пес, попив, подошел к Марко и положил голову ему на колени. Поблагодарил. Получив в ответ порцию ласки – хозяин погладил его, – улыбнулся. Во рту не хватало нескольких зубов. Три он потерял еще по молодости, а два ему удалил ветеринар совсем недавно – болели.

– Какой ты у меня, старичок, – проговорил Марко, похлопав пса по шее. – Зубов нет, шерсть седая... – Чак посмотрел на хозяина и вздохнул. – Что я буду делать без тебя?

При мысли о том, что даже если Чак из породы долгожителей, он протянет еще лет пять-шесть, не дольше, Марко становилось больно. Он не представлял жизни без своего чет-

вероногого друга.

– Ладно, пошли! – решительно сказал Марко, вставая. Лучше не думать о плохом! – Через полчаса будем дома, поедим по-человечески.

Чак именно так и ел. По-человечески. Не признавал собачий корм, даже «Канин-премиум». Зато обожал каши с мясом и похлебки на костном бульоне. Да не холодные, а теплые.

Марко зашагал по тропе вниз, Чак потрусил следом. Вдруг он встал как вкопанный и наострил уши.

– Что такое? – спросил Марко.

Пес повел головой. Типа, не отвлекай, дай сначала самому разобраться. Марк больше ничего не говорил, ждал. В горы они ходили на охоту. И хотя испанских мастифов использовали больше как сторожевых или пастушьих собак, дичь Чак чуял лучше всякого спаниеля. Вот только зверье так близко к деревне не подходило, держась подальше от людей.

Чак резко сорвался с места и понесся вниз. Марко за ним. Едва в поле зрения показались заросли шиповника, пес ринулся в них с громким лаем. Когда Марко продрался через кусты, то увидел двоих – мужчину и женщину. Первый лежал на камнях, вторая над ним склонялась. Услышав лай, барышня обернулась. На лице испуг.

– Не волнуйтесь, собака не кусается, – сказал ей Марко.

Женщина недоуменно нахмурилась. Не поняла. Марко повторил свою реплику по-английски. Затем спросил:

– Что случилось?

Прежде чем ответить, она поднялась и чуть отошла в сторону. Марко отметил, что женщина высока ростом.

Сам он был двухметровым, если точнее – два и пять, и привык к тому, что основная масса представительниц слабого пола едва доходит ему до плеча. А эта женщина была всего сантиметров на двадцать ниже. «Модель, – подумал Марко. – Стройная, красивая, выглядит ухоженно».

Но развивать мысль он не стал. Увидел то, что до этого было скрыто от взгляда. А именно – лицо лежавшего на камнях мужчины... Вернее, юноши. Лицо его оказалось бледным, застывшим, а глаза, смотрящие в небо, – пустыми. Молодой человек был мертв!

– Парень сорвался со скалы, – ответила женщина. – Услышала, как загрохотали и покатались камни. Я была там, – она указала вверх. – Спустилась и нашла его тут...

Марко подошел ближе, осмотрелся. Затем опустился на корточки рядом с трупом.

– Вы знаете этого молодого человека? – спросил он у женщины.

– Впервые вижу.

– А я видел его в храме. Он поет в хоре мальчиков.

– Да, поет. До того как упасть, он исполнял псалом... – Она сглотнула. – У парня был божественный голос. Так жаль его... Нелепая смерть. Тут ведь даже спуск не крутой. Как можно было так неудачно упасть?

– А других звуков вы не слышали?

– Например?

– Каких-то голосов, ударов?

– Нет, – секунду подумав, ответила она. – Он пел. Потом резко замолчал, и до меня донесся грохот... А почему вы спрашиваете?

– Вас как зовут?

– Мари.

– Я Марко. Представляю полицию в этом уголке. Считаю, я местный шериф.

– О... То есть вы думаете... Мальчик не сам сорвался? Ему помогли?

– Я не думаю – уверен. На него напали сзади, схватили за шею, придушили... Видите, следы проступили? – Он отодвинул окровавленный воротник, чтоб Мари увидела отметины. – Затем поволокли вниз и бросили на камень.

– Убийство? – ахнула она.

Марко только кивнул. Взяв Чака за ошейник, чтобы тот не подобрался к труп, который его очень заинтересовал, вытащил из кармана сотовый телефон.

– Я пойду? – обратилась к нему Мари.

– Не могу вас отпустить, не протоколировав показания. Вы пока единственный свидетель...

– Ладно хоть не подозреваемый.

Вообще-то Марко и не исключал ее вины. Но не стал озвучивать свои мысли. Вместо этого спросил:

– Где вы остановились и когда уезжаете домой? Я так понял, вы туристка.

– Не совсем... – Она достала из кармана водительские права. – Вот мои документы, можете записать данные.

– Русская, – отметил он, глянув.

– Да. Но живу я в данный момент в деревне, что в предгорье. Провожу здесь лето – в деревне у меня домик. Когда вам потребуется увидеться со мной, позвоните, и я подъеду в отделение. Запишите номер.

Марко так и сделал.

– А теперь я могу уйти? Устала очень, есть хочу и, честно говоря, выпить... – Мари грустно посмотрела на покойника. – Жалко парня... Не понимаю, кому он мог помешать?

– Вы на машине, да? – Мари кивнула. – Давайте, провожу вас до дороги. Только вызову бригаду...

– И оставите труп без присмотра?

– Да, вы правы, не стоит этого делать... Тогда вас мой пес проводит... – Он подтолкнул мастифа к Мари и отпустил ошейник. – Чак, иди с ней, – сказал он. – Защищай.

Чак коротко гавкнул.

– Это он вам сейчас ответил, что-то вроде «Есть, сэр!»? – поинтересовалась Мари.

– Нет, что-то вроде: «Понял, друг!» Чак не мой подчиненный. Он товарищ.

Мари присела перед псом на корточки и посмотрела ему в глаза.

– Старый товарищ... – сказала она. – Боевой. – Мари протянула руку и осторожно коснулась лба Чака. – Этот шрам откуда?

– Получил, защищая меня.

– Я так и подумала. Что ж... Я доверяю свою жизнь вашему другу. Чак, пошли! – И, по-мальчишески свистнув псу, быстро пошла к тропе. Чак, виляя хвостом, бросился за ней.

Глава 4

Мари благополучно добралась до деревни, проехав по главной улице, притормозила у своего дома. Он ничем не отличался от остальных: добротных, кирпичных, но компактных и не вычурных. Разве что в палисаднике росли береза и ель, растения не типичные для этих мест. Деревья больше десяти лет назад, когда этот дом с участком только был приобретен, посадил отец. Думали, не приживутся. Почва не та, да и саженцы, пока их из Москвы везли, зачахли. Но березка и елочка не просто пустили корни, они так прекрасно адаптировались к непривычным для своих видов условиям, что сейчас макушками доходили до мансарды.

Припарковавшись у ворот, Марианна вышла из машины и хотела сразу проследовать к дому, но ее окликнули:

– Салют, Мари!

– Здравствуй, Алекс! – поприветствовала она мужчину, спешившего к ней.

Александра она знала с юности. Он был чуть старше Марианны, жил на соседней улице, но в отличие от остальных деревенских парней никогда не пытался за ней приударить. Это был серьезный юноша в очках, единственным увлечением которого являлись книги. Из-за его любви к чтению они и познакомились. Алекс учил русский язык, чтобы читать Достоевского и Толстого в оригинале, и обратился к Мари за

помощью. Она дала ему пару уроков, но вскоре ей стало не до занятий... и не до Александра...

У нее появился Николас.

– Как дела? – спросил Алекс. Русский он теперь знал в совершенстве и говорил почти без акцента. – Тебя давно не было видно, я беспокоиться уже начал...

– Я на море ездила. Только сегодня вернулась. Все хорошо.

– Загар шикарный, – одарил ее комплиментом Алекс.

– Спасибо. Ты ко мне?

– Да, хотел попросить «Бесов». Перечитаю.

– Давай я тебе уже подарю эту книгу?

– Тогда у меня не будет повода заходить к тебе.

– А ты без повода заходи, – улыбнулась Алексу Мари.

Он ей нравился, это странноватый мужчина. Спокойный, вдумчивый, остроумный. С ним было приятно общаться. В деревне все считали их любовниками, но между Марианной и Александром не существовало даже флирта. Молодые люди симпатизировали друг другу, но отношения не выходили за рамки приятельских. Они, возможно, могли бы перерасти в крепкую дружбу, если бы Мари верила в то, что дружба может существовать между людьми разных полов.

– Ты торопишься? – спросила у Алекса Мари, впустив его в дом.

– Нет, а что?

– Может, выпьешь со мной?

– С удовольствием.

– Тогда присаживайся, я сейчас быстренько умоюсь и принесу вина. Еще у меня сыр есть, овощи... В общем, попируем.

– Давай сделаем иначе. Ты без спешки приведешь себя в порядок, а я тем временем накрою стол на террасе. Скажи, где что взять.

– В холодильнике.

– И посуду? – усмехнулся Алекс.

– Она на полке слева от холодильника. Салфетки там же. А вообще, ты можешь чувствовать себя тут как дома. Открывай ящики и ищи то, что нужно. Для пикников и импровизированных пирушек на террасе у меня все есть. А вот для готовки и званых ужинов, увы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.